

ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКА

МОЯ ТАЙНА, ИЛИ
КНИГА БЕСЕД О
ПРЕЗРЕНИИ К МИРУ

Франческо Петрарка

Моя тайна, или Книга бесед о презрении к миру

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25576901

Аннотация

«Часто и с сокрушением я размышляю о том, как я вошел в эту жизнь и как мне придется уйти из нее. И вот случилось недавно, когда я лежал не объятый сном, – хотя обыкновенно большой дух бывает внезапно охвачен дремотой, – а томимый страхом и в вольном сознании, я увидел пред собою женщину неопишимо сияния и блеска. Что это была дева, – обнаруживали ее одежда и лицо. Неведомо как она вошла, и я, ошеломленный необычным светом, не смел поднять глаза навстречу лучам, которые струило солнце ее очей. Войдя, она сказала: «Не трепещи, и пусть невиданное явление не смущает тебя. Я сжалилась над твоим блужданием и издали сошла сюда, чтобы еще вовремя подать тебе помощь...»

Содержание

Вступление	4
Начинается беседа первая	9
Начинается беседа вторая	66
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Франческо Петрарка

Моя тайна, или Книга бесед о презрении к миру

Вступление

Часто и с сокрушением я размышляю о том, как я вошел в эту жизнь и как мне придется уйти из нее. И вот случилось недавно, когда я лежал не объятый сном, – хотя обыкновенно больной дух бывает внезапно охвачен дремотой, – а томимый страхом и в вольном сознании, я увидел пред собою женщину неопишемого сияния и блеска. Что это была дева, – обнаруживали ее одежда и лицо. Неведомо как она вошла, и я, ошеломленный необычным светом, не смел поднять глаза навстречу лучам, которые струило солнце ее очей. Войдя, она сказала: «Не трепещи, и пусть невиданное явление не смущает тебя. Я сжалилась над твоим блужданием и издалека сошла сюда, чтобы еще вовремя подать тебе помощь. Довольно, слишком довольно был доньше прикован к земле твой отуманенный взор. Если эта смертная юдоль так сильно прельщает твои глаза, что же, ты думаешь, будет, когда ты поднимешь их на вечное?» Выслушав эти слова, еще не оправившись от страха, я едва выговорил в ответ дрожа-

щим голосом стих Марона:

Как величать тебя, дева? Твой вид не подобен обличью
Дщерей земли, ни твой голос – их голосу...¹

«Я – та, – отвечала она, – которую ты с изысканным изяществом воспел в нашей «Африке», кому ты, не уступая диркейскому Амфиону, с удивительным искусством и руками истинного поэта воздвиг лучезарное и прекрасное жилище на крайнем западе, на вершине Атласа. Итак, слушай спокойно и не страшись, видя ту лицом к лицу, которая тебе давно коротко знакома, что ты доказал своей сладкогласною песнью». Едва она кончила речь, я, соображая все признаки, сразу понял, что говорящая должна быть самой Истиной, ибо я вспомнил, что именно ее дворец на вершине Атласа я описал. Но не знал я, из какой страны она явилась, однако был уверен, что она могла прийти только с неба. Поэтому, горячо желая увидеть ее, я поднял глаза, но – увы! – человеческий взор не мог вынести небесного света, и я снова потупил глаза. Она, заметив это, после краткого молчания начала опять и опять заговаривать со мною и ничтожными вопросами принудила меня к долгой беседе с нею. Я понял, что это мне вдвойне полезно, так как, во-первых, я становился немного более сведущим, во-вторых, самая беседа успокаивала меня, так что я постепенно получил возможность прямо

¹ Здесь и далее стихи в переводе Вяч. Иванова.

смотреть на это лицо, которое вначале устрасило меня своим чрезмерным блеском; и которое теперь я мог созерцать без смятения. Объятый дивным очарованием, я не сводил с нее глаз. Когда же я стал озираться, чтобы узнать, привела ли она кого-нибудь с собою или совершенно одна проникла в мое глухое уединение, я увидел рядом с нею престарелого и почтенного мужа величественной наружности.

Не было надобности спрашивать его имя: его благочестивый вид, скромное чело, серьезный взгляд, размеренный шаг, священная одежда и в то же время римское красноречие достаточно ясно обнаруживали в нем преславного отца Августина. К тому же в его облике было нечто столь чарующее и внушительное, чуждое всем другим людям, что я не посмел расспрашивать. Однако я не остался бы безмолвным, я подбирал уже слова вопроса, и они уже готовы были сорваться с моих губ, как вдруг я услышал из уст Истины то сладкозвучное для меня имя. Обернувшись к нему и прерывая его глубокую задумчивость, она сказала: «Дорогой мне из тысяч Августин, ты знаешь, что этот человек тебе предан, и не тайна для тебя, сколь опасною и долгой болезнью он одержим, которая тем ближе к смерти, чем менее сам больной осознает свой недуг. Поэтому необходимо теперь принять меры к сохранению жизни этого полуживого, каковое дело благочестия никто из людей не может исполнить лучше, чем ты. Ибо он всегда страстно любил твое имя, а всякое учение имеет то свойство, что оно гораздо легче внед-

ряется в душу слушателя любимым наставником; и если нынешнее твое блаженство не заставило тебя забыть бедствия, пережитые тобою в то время, когда ты был заключен в темнице плоти, – ведь и ты перенес многое, подобное тому, что он терпит; а если так, то ты – наилучший целитель изведанных тобою страстей. Поэтому, хотя безмолвное размышление приятнее всех других вещей, прошу тебя – прерви это молчание твоим святым, мне необыкновенно приятным голосом и попытайся, не удастся ли тебе каким-либо способом ослабить столь тяжкий недуг». На это он: «Ты – моя вожатая. Ты – моя советница, утешительница, госпожа и наставница; зачем же Ты велишь мне говорить, когда сама присутствуешь здесь?» А она: «Пусть ухо смертного поразит человеческая речь: ее он снесет спокойнее. Но дабы он считал сказанным мною то, что от тебя услышит, я буду лично присутствовать». – «Как любовь к больному, – сказал он, – так и почтение к повелевающей заставляют меня повиноваться». Тут, ласково взглянув на меня и отечески обняв, он повел меня в самую уединенную часть дома, причем Истина шла несколько впереди. Там мы все трое сели, и началась долгая беседа с той и другой стороны. Истина же молча взвешивала наши слова, и других свидетелей не было. Так как предмет разрастался, то беседа затянулась на три дня; и хотя в ней было сказано многое против нравов нашего века и о грехах, общих всем смертным, так что эти упреки были обращены, казалось, не столько ко мне, сколько ко всему человеческо-

му роду, однако я глубже запечатлел в своей памяти то, что являлось личным призывом ко мне. Потому-то я и решил столь задушевную беседу воспроизвести письменно, для того чтобы она не исчезла, и ею-то наполнил эту книжку. Не то чтобы я хотел умножить ею число моих сочинений или искал от нее славы, – нет, высшую цель лелеет мой ум: хочу, чтобы ту сладость, которую я однажды вкусил в беседе, я мог так часто вкушать при чтении, как только пожелаю.

И потому ты, моя книжечка, должна избегать людских сборищ и, верная своему имени, довольствоваться моим обществом, ибо ты – моя тайна и так будешь называться, и в часы возвышенных размышлений ты будешь втихомолку напоминать мне все то, что ты запомнишь из сказанного втихомолку. А для того, чтобы не употреблять слишком часто, как говорит Туллий, «сказал я», «сказал он» и чтобы придать беседе такой вид, как будто она ведется тут же присутствующими, я разделил мысли моего славного собеседника и мои не местоимениями, а нашими именами; этот литературный прием я заимствовал у любимого мною Цицерона, который сам перенял его у Платона. Но чтобы не отвлекаться более, вот какими словами он первый заговорил со мною.

Начинается беседа первая

Августин

Что скажешь, человече? О чем грезишь? Чего ждешь?
Или не помнишь, что ты смертен?

Франциск

Конечно, помню, и всякий раз мысль эта наводит на мою
душу смятение.

Августин

О, когда б ты в самом деле помнил это, как ты говоришь, и
заботился бы о себе! Этим ты значительно облегчил бы и мой
труд, ибо неопровержимо верно, что для того, чтобы прези-
рать соблазны этой жизни и сохранять душу спокойною сре-
ди стольких мирских бурь, нельзя найти средства более дей-
ствительного, нежели сознание собственной ничтожности и
постоянная мысль о смерти, при условии, что эта последняя
не скользила бы поверху, а внедрилась до мозга костей. Я
сильно опасаюсь, что в этом деле, как я замечал у многих,

ты сам себя обманываешь.

Франциск

Каким образом, скажи? Мне очень понятны твои слова.

Августин

Ибо из всех ваших дел, о смертные, ни одно не возбуждает; во мне такого удивления и содрогания, как то, что вы умышленно поддерживаете ваши бедствия, притворяетесь, будто не видите грозящей опасности, и гоните от себя эту мысль, когда она невольно навязывается.

Франциск

Как так?

Августин

Думаешь ли ты, что сыщется такой сумасброд, который! будучи постигнут опасной болезнью, не желал бы страстно здоровья?

Франциск

Я никого не считаю столь безумным.

Августин

Что же? Думаешь ли ты, что кто-нибудь может быть так нерадив и вял духом, чтобы, желая чего-нибудь всей душою, не добиваться этого всеми силами?

Франциск

И этого не думаю.

Августин

Раз мы с тобою согласны насчет этих двух вещей, мы должны быть согласны и насчет третьей.

Франциск

Что же это за третья вещь?

Августин

Что как тот, кто, в глубоком и сосредоточенном размышлении сознав себя несчастным, желает не быть несчастным и у кого зародилось такое желание, старается осуществить его, — так тот, кто добивается этого, может и достигнуть. Ибо опытом дознано, что единственной помехою для этого третьего является отсутствие второго, как единственной помехою для второго является отсутствие первого. Таким образом, прежде всего должно существовать то первое, которое есть как бы корень человеческого спасения; вы же, безрассудные, и ты, столь изобретательный на собственную гибель, вы стараетесь вырвать из вашей груди этот спасительный корень всеми арканами земных приманок, что, как я сказал, удивляет и ужасает меня, и потому справедливо терпите двойную кару: и тот корень оказывается исторгнутым, и все остальное становится невозможным.

Франциск

Спор этот, как я подозреваю, слишком долог и требует многих слов. Поэтому, если угодно, отложим его на другое время и остановимся несколько на предшествующей, пока я смогу увереннее подвигаться к дальнейшему.

Августин

Необходимо считаться с твоей медлительностью; поэтому останавливайся всякий раз, когда найдешь нужным.

Франциск

Я не улавливаю той последовательности, о которой шла речь.

Августин

Что здесь темного и какое сомнение явилось у тебя теперь?

Франциск

Потому что есть множество вещей, которых мы страстно желаем и усердно добиваемся, но к которым никакое усилие, никакое рвение не приблизили и не приблизят нас.

Августин

Не спорю, что это верно относительно других вещей, но в

отношении того, о чем идет спор, это противоречит истине.

Франциск

Почему?

Августин

Потому что, раз человек желает избавиться от своего жалкого состояния, и желает искренно и сильно, – такое желание не может оказаться безуспешным.

Франциск

О, что я слышу! Ведь очень мало есть людей, которые бы не чувствовали, что им много недостает, и которые бы не признавали себя из-за этого несчастными; насколько это верно, может понять всякий, обратив взор на самого себя. Отсюда следует, что совершенная полнота благ делает человека счастливым, если же одного из них недостает, человек в этом пункте чувствует себя несчастным. Общеизвестно, что все люди желают, но лишь немногие смогли сбросить с себя этот груз своего бедствия. Ибо сколь многих терзают непрестанную скорбью либо телесная немощь, либо смерть близких, либо заключение в темнице, либо изгнание, либо бедность?

И мало ли еще существует подобных напастей, которые было бы так же долго перечислять, как их трудно и горько переносить: все они, хотя крайне тягостные для тех, кто их терпит, однако, как видишь, человеку не дано стряхнуть их с себя. Таким образом, по моему мнению, невозможно сомневаться, что многие несчастны помимо и против своей воли.

Августин

Приходится вернуть тебя далеко назад и, как обыкновенно поступают с ветреными и отсталыми подростками, то и дело повторять весь ряд доводов с самого начала. Я считал тебя человеком более зрелого ума и не думал, что ты нуждаешься в столь ребяческих напоминаниях. И точно, если бы ты закрепил в своей памяти те верные и в высшей степени ценные изречения философов, которые ты неоднократно перечитывал вместе со мною, если бы далее – скажу с твоего позволения – ты старался не для других и в чтении стольких книг искал руководства для своей жизни, а не средства стяжать мимолетную хвалу толпы и повода к пустому тщеславию, – не стал бы говорить так нелепо и невежественно.

Франциск

Не знаю, к чему ты ведешь, но уже теперь краска стыда

залила мое лицо, и я испытываю то же, что школьники, когда учителя их бранят. Ибо как они, еще прежде чем услышат название совершенного ими проступка, помня за собою многие вины, робеют при первых словах укора, так я, сознавая свое невежество и свои многочисленные заблуждения, хотя еще и не понимаю, куда клонится твоя речь, покраснел прежде, чем ты кончил, потому что знаю, что нет вины, которой нельзя было бы поставить мне в упрек. Итак, прошу тебя, скажи мне яснее, в чем ты укоряешь меня так строго?

Августин

Еще во многом другом, кроме того, о чем скажу сейчас; но прежде всего меня возмущает твое предположение, что кто-нибудь может быть или сделаться несчастным против своей воли.

Франциск

Я перестал краснеть, ибо что можно придумать более истинного, нежели эта истина? Или кто так несведущ в человеческих делах или так далек от всякого общения со смертными, чтобы не знать, что нужда, страдания, бесчестье, наконец, болезни и смерть и прочие напасти такого рода, которые считаются тягчайшими, большею частью постигают людей

против их воли, но никогда по их желанию? Откуда явствует, что очень легко знать и ненавидеть собственное несчастье, а вовсе не свергнуть его, ибо первые два – в нашей власти, третье же – во власти судьбы.

Августин

Скромностью ты искупил свое заблуждение, но за бесстыдство я сержусь еще больше, чем за заблуждение. Как мог ты забыть все эти заявления философов и святых, что те невзгоды, которые ты давеча перечислил, никого не могут сделать несчастным? Ибо если одна только добродетель делает душу счастливой, – что доказали и Марк Туллий, и многие другие часто самыми вескими доводами, – то совершенно ясно, что ничто другое не удаляет человека от счастья, кроме того, что противоположно добродетели, а каково оно, это ты можешь вспомнить и без моего указания, если ты не закоснел окончательно.

Франциск

Конечно, помню. Ты хочешь вернуть меня к предписаниям; стойков, которые противоположны общепринятым мнениям и стоят к отрешенной истине ближе, чем к опыту.

Августин

О несчастнейший из всех, раз ты ищешь пути к познанию истины чрез сумасбродства черни и надеешься достигнуть света, следуя за слепыми вожатыми! Ты должен избегать торной дороги, утопанной толпою, и, алкая высшего, избрать путь, отмеченный следами лишь очень немногих, дабы ты удостоился услышать о себе известный стих поэта:

Новою доблестью, отрок, расти! Так взыдешь к светилам.

Франциск

О, если бы я достиг этого еще до моей смерти! Но продолжай, прошу тебя, ибо я не совсем потерял стыд и не сомневаюсь, что положение стойков следует предпочесть заблуждениям толпы; но я жду, что ты хочешь доказать мне этим.

Августин

Раз мы согласились насчет того, что быть или стать несчастным можно только чрез порок, – какие еще нужны; слова?

Франциск

Мне кажется, что я видел многих, – и я сам из того числа, – которых ничто не тяготит в такой степени, как невозможность свергнуть с себя иго своих пороков, хотя они всю жизнь стремятся к этому с величайшими усилиями. Поэтому, не оспаривая положения стойков, можно утверждать, что многие глубоко несчастны помимо своей воли, терзаясь и желая противоположного.

Августин

Мы несколько заблудились, но уже незаметно возвращаемся к нашей исходной точке, если только ты не забыл, с чего мы начали.

Франциск

Едва было не забыл, но теперь начинаю припоминать.

Августин

Я задался целью доказать тебе, что для того, чтобы выбраться из тесноты этой смертной юдоли и подняться выше,

как бы первой ступенью является размышление о смерти и о жалкой доле человека, второе же – страстное желание и старание подняться; при наличности этих условий, обещал я, легко достигнуть той цели, к которой направлено наше стремление. Или ты и теперь убежден в противном?

Франциск

Я не осмелился бы сказать, что убежден в противном, ибо с самой юности я возымел о тебе столь высокое мнение, что каждый раз, как взгляды наши расходились, мне было ясно, что заблуждаюсь я.

Августин

Прекрати, пожалуйста, лесть; но так как я вижу, что ты привык соглашаться с моими словами не столько по убеждению, сколько из уважения, то даю тебе право говорить все, что тебе заблагорассудится.

Франциск

Хоть и с трепетом, но воспользуюсь твоим разрешением. Не буду говорить о прочих людях; но беру в свидетели присутствующую здесь, которая неизменно была свидетельни-

цей всех моих поступков, и тебя самого, как часто я размышлял о моем жалком положении и о смерти и сколькими слезами я пытался смыть с себя грязь моей греховности, — но эти попытки, — как видишь, доньше оставались бесплодными, о чем я не могу говорить без слез. Это одно и побуждает меня оспаривать истинность твоего положения, будто ни один человек не впал в жалкое состояние иначе, как по своей воле, что несчастен лишь тот, кто хочет быть несчастным, — ибо мой собственный печальный опыт убеждает меня в противном.

Августин

Это старая жалоба, и ей никогда не будет конца; и хотя я уже не раз тщетно пытался убедить тебя, я не перестану настаивать, что никто не может ни стать, ни быть несчастным помимо своей воли, но, как я сказал вначале, людям присуща болезненная и пагубная Страсть обманывать себя, вреднее которой нет ничего в жизни. Вы справедливо боитесь коварства ваших слуг, во-первых, потому, что доверие к обманывающему не позволяет возникнуть спасительной недоверчивости, во-вторых, потому, что его льстивый голос непрерывно ласкает ваш слух, — два условия, которые в отношении других людей, по-видимому, отсутствуют; насколько же более вы должны были бы опасаться вашей собственной хитрости, где и любовь, и доверие, и близость чрезвычайно ве-

лики, ибо всякий ценит себя выше, нежели он стоит, и любит себя больше, нежели должно, и, следовательно, обманутый никогда не отделяется от обманывающего?

Франциск

Ты часто употреблял сегодня эти слова, но я, насколько; помню, никогда не обманывал себя; пусть бы только другие меня не обманывали!

Августин

Сейчас ты всего более обманываешь себя, хвляясь, будто никогда этого не делал. Но я не столь низкого мнения о твоём природном уме; я уверен, – размыслив, внимательно, ты сам поймешь, что никто не впадает в несчастье иначе, как по своей воле, а ведь спор между нами только об этом. Итак, скажи мне, пожалуйста, – но подумай, прежде чем ответить, и напряги свой дух жаждою не спора, а истины, – скажи мне, думаешь ли ты, что кто-нибудь грешил по принуждению? Ведь мудрецы утверждают, что грех – добровольное деяние до такой степени, что где отсутствует воля, там нет и греха; а ты уже раньше согласился со мною, что без греха никто не бывает несчастлив.

Франциск

Вижу, что на последних шагах я постепенно уклонился от наших предпосылок, и вынужден признать, что начало моего несчастья коренилось в моей собственной воле; чувствую это в себе и по сходству предполагаю это относительно других. Но теперь и ты согласишься со мною в одном.

Августин

В чем же я должен согласиться?

Франциск

Если верно, что никто не падает иначе, как по своей воле, то мы должны считать верным и то, что многие, поскользнувшись по своей воле, остаются лежать уже не по своей воле; это я готов с уверенностью утверждать о себе самом и полагаю, что это ниспослано мне в кару, дабы я при всем желании не мог встать, ибо не хотел стоять, когда мог.

Августин

Хотя это мнение не совсем нелепо, но раз ты сознал свою

ошибку в первом случае, ты неизбежно должен будешь признать, что ошибся и во втором.

Франциск

Стало быть, ты утверждаешь, что упасть и лежать – одно и то же?

Августин

Напротив, это – различные вещи; однако глаголы «желал» и «желаю», хоть и различны по времени, по сути своей и в душе желающего тождественны.

Франциск

Чувствую, какую сеть ты пытаешься меня опутать; но из двух борцов тот, который стяжал победу ловкостью, – не сильнейший, а только хитрейший.

Августин

Мы говорим пред лицом Истины, которой любезна во всем простота, а лукавство противно; и для того, чтобы ты ясно видел это, мы будем отныне продолжать с наивозмож-

ной простотою.

Франциск

Я ничего не мог бы услышать более приятного. Итак, скажи мне, – так как речь шла обо мне, – какими доводами ты докажешь мне, что мое несчастье, которого я не отрицаю, еще и сейчас существует по моей воле, тогда как я, напротив, чувствую, что ничто так не терзает меня, ничто в такой степени не противоречит моему желанию, и, однако, дальше не могу; ступить ни шагу?

Августин

Если только ты будешь твердо держаться того, что условлено между нами, я покажу тебе, что ты должен был употребить другие слова.

Франциск

О каком уговоре ты напоминаешь и какие советуешь мне употреблять слова?

Августин

Мы условились отвергнуть все козни обмана и с полной искренностью добиваться истины. Что же касается слов, которые ты должен употреблять, то я хотел бы, чтобы ты признался, что вместо слов «не мог» следовало бы сказать «не пожелал».

Франциск

Мы никогда не кончим, потому что я никогда не признаюсь в этом. Сам я знаю, и ты мне свидетель, сколько раз я хотел и не мог, сколько слез я пролил бесплодно.

Августин

Могу свидетельствовать о многих твоих слезах, но о твоей доброй воле – нисколько.

Франциск

Зову в свидетели небо (из людей, я думаю, никто того не знает), сколько я выстрадал и как страстно желал подняться, если бы только это было возможно.

Августин

Умолкни, ибо раньше смешается небо с землею, раньше звезды упадут с неба и восстанут друг на друга ныне дружественные стихии, чем Истина, которая здесь творит суд между мной и тобою, даст себя обмануть.

Франциск

Что же ты хочешь сказать?

Августин

Что сознание часто исторгало у тебя слезы, но воли твоей не меняло.

Франциск

Сколько раз я повторял, что сделать больше было мне не под силу.

Августин

И сколько раз я отвечал, что ты скорее не хотел. Однако

я не удивляюсь, что ты блуждаешь теперь по окольным дорогам, на которых я сам мыкался в былое время, когда замышлял вступить на новый путь жизни. Я рвал на себе волосы, бил себя по лбу, ломал пальцы, наконец, обхватив колена руками, наполнял небо и воздух невыразимо горькими вздохами и орошал землю обильными слезами; и однако, среди всей этой горести я оставался тем же, чем был, пока наконец глубокое раздумье не представило мне воочию всю бедственность моего положения. Итак, лишь только я вполне пожелал, я тотчас и смог и с чудесной, благодатной быстротой превратился в другого Августина, чью историю, если не ошибаюсь, ты знаешь по моей Исповеди.

Франциск

Конечно, знаю и никогда не забуду той спасительной смоковницы, в тени которой совершилось это чудо.

Августин

Так и следует; ибо ни мирт, ни плющ, ни Фебом, как говорят, любимый лавр (хотя к нему влечется весь сонм поэтов и более всех ты сам, который один в свой век удостоился носить венок, сплетенный из его листвы) не должны быть милее; твоей душе, готовящейся наконец после стольких бурь

прибьтсья в гавань, нежели воспоминание об этой смоковнице, которое знаменует для тебя верную надежду на исправление и прощение.

Франциск

Не возражаю, продолжай, пожалуйста.

Августин

Я продолжаю, с чего начал, – что с тобою донине случилось то же, что со многими, к которым быть может применен стих Вергилия:

Дух, как твердыня, незыблем; бессильные катятся слезы.

Я мог бы собрать много примеров, но удовольствовался одним, тебе столь знакомым.

Франциск

И правильно, ибо не нужно было многих примеров, и никакой другой не запечатлелся бы глубже в моей груди, тем более что при всем различии, какое обыкновенно существует между терпящим кораблекрушение и сидящим в безопасной гавани или между счастливым и несчастным, я узнаю среди моих треволнений некоторый след твоего смятения.

Оттого каждый раз, когда я читаю твою Исповедь, обуреваемый двумя противоположными чувствами, именно надеждою и страхом, я испытываю – иногда не без слез – такое чувство, будто читаю историю не чужого, а моего собственного странствования. А теперь, после того как я совершенно отказался от желания спорить, продолжай, как найдешь нужным, ибо я готов следовать за тобою, а не идти наперекор.

Августин

Не этого я требую; ибо, если, по словам одного великого ученого, «в чрезмерном препирательстве истина тонет», то умеренный спор многих часто приводит к истине. Поэтому не следует, по примеру ленивых и вялых умов, без разбора соглашаться со всем, ни равно с горячностью противиться очевидной истине, что явно свидетельствует о сварливом характере.

Франциск

Понимаю, и одобряю, и буду пользоваться твоим советом; продолжай.

Августин

Итак, признаешь ли ты за истину и за дальнейший шаг вперед высказанную мною мысль о том, что полное сознание своего бедственного положения рождает полную готовность подняться, раз уж хочет лишь тот, кто может?

Франциск

Я уже решил верить тебе во всем.

Августин

Чувствую, что ты и теперь еще что-то скрываешь; скажи откровенно, в чем дело.

Франциск

Я только дивлюсь, как это я до сих пор не желал того, чего, как мне казалось, я всегда желал единственно.

Августин

Ты все еще сомневаешься; но чтобы наконец прекратить

Этот разговор, я признаю, что ты действительно иногда желал.

Франциск

Итак, что же?

Августин

Не приходит ли тебе на память стих Овидия?

Мало желать: за дело примись, чтоб свершилось желанье.

Франциск

Понимаю; но мне казалось, что я желал страстно.

Августин

Ты ошибался.

Франциск

Верю.

Августин

А для того, чтобы ты верил твердо, допроси сам свою совесть: она наилучший свидетель добродетели, непогрешимый и точный оценщик дел и помышлений; она скажет тебе, что ты никогда не стремился к спасению как следует, но равнодушнее и спокойнее, чем того требовало сознание стольких грозящих опасностей.

Франциск

Я начинаю, как ты велишь, допрашивать мою совесть.

Августин

Что же ты там находишь?

Франциск

Что ты говоришь правду.

Августин

Ты начинаешь просыпаться, значит, мы несколько подви-

нулись вперед. Твое положение сразу улучшится, лишь только ты поймешь, как плохо оно было раньше.

Франциск

Если достаточно только осознать это, то мое положение, надеюсь, вскоре не только улучшится, но станет даже превосходным, ибо я никогда ничего не понимал лучше, нежели то, что я никогда не желал свободы и конца моих бедствий достаточно страстно. Но довольно ли проникнуться желанием?

Августин

Для чего?

Франциск

Для того чтобы мне больше ничего не нужно было делать.

Августин

Ты ставишь невозможное условие, чтобы тот, кто страстно делает желаемого, оставался погруженным в дремоту.

Франциск

Если так, то какая польза в самом желании?

Августин

Конечно, путь ведет через многие трудности, но уж и влечение к добродетели есть само по себе добрая часть добродетели.

Франциск

Ты даешь мне основание для большой надежды.

Августин

Для того я и беседую с тобою, чтобы научить тебя надеяться и бояться.

Франциск

Почему бояться?

Августин

Скорее, почему надеяться?

Франциск

Потому что если до сих пор я прилагал немалые усилия для того, чтобы не быть совсем дурным, то ты открываешь мне путь стать вполне хорошим.

Августин

Но насколько труден этот путь, о том ты, быть может, не догадываешься.

Франциск

Какой новый страх ты хочешь внушить мне?

Августин

Помни, что это самое «желать» всего лишь один глагол, но содержит оно в себе бесчисленные вещи.

Франциск

Ты повергаешь меня в смятение.

Августин

Не говоря уже о том, из чего это желание состоит, сколь многое должно быть истреблено для того, чтобы оно могло возникнуть!

Франциск

Не понимаю, что ты хочешь сказать.

Августин

Это желание ни в ком не может созреть вполне, пока он не искоренил в себе все другие свои желания; а ты понимаешь, как многочисленны и разнообразны вещи, которых человек желает в своей жизни; и все это ты должен предварительно: презреть, – только тогда ты можешь взалкать высшего блаженства, ибо мало любит его тот, кто одновременно и не ради него любит еще что-нибудь другое.

Франциск

Я знаю эту истину.

Августин

А как мало найдется людей, которые подавили в себе все страсти – их же не только подавить, но даже перечислить – долгий труд, – которые наложили на свою душу узду разума, которые вправе сказать: у меня нет более ничего общего с телом, все, что считается приятным, – мерзость для меня, я жажду высшего счастья!

Франциск

Такие люди чрезвычайно редки; теперь я понимаю трудность, которую ты мне грозил.

Августин

И вот когда исчезнут страсти, то желание будет полно и свободно от помех; ибо насколько собственное благородство влечет душу к небу, настолько же по необходимости тянут ее вниз бремя плоти и земные приманки, так что вы одновре-

менно и стремитесь ввысь, и желаете оставаться внизу, и не достигаете ни того, ни другого, разрываясь в обе стороны.

Франциск

Что же, по твоему мнению, надо сделать, чтобы душа, разбив земные оковы, целиком вознеслась горе?

Августин

К этой цели безошибочно ведет то размышление, о котором я упомянул вначале, да непрерывная мысль о нашей смертности.

Франциск

Если я и здесь не обманываю себя, ни один человек не терзается этими заботами чаще меня.

Августин

Новый спор и новая добука!

Франциск

Как? Разве я и в этом случае лгу?

Августин

Я предпочел бы выразиться вежливее.

Франциск

Но в том же смысле?

Августин

Да, не в ином.

Франциск

Значит, я не помышляю о смерти?

Августин

По крайней мере очень редко, и притом так вяло, что эта

мысль не проникает до дна твоего злополучия.

Франциск

Я был убежден в противном.

Августин

Обращай внимание не на то, в чем ты был уверен, а на то, в чем должен был быть уверен.

Франциск

Обещаю отныне более никогда не верить себе, если ты докажешь мне, что я и в этом случае верил себе ошибочно.

Августин

Я докажу тебе это очень легко, если только ты решишь искренне признаваться в правде, и сошлюсь в этом деле и свидетеля, которого недалеко искать.

Франциск

На кого же?

Августин

На твою совесть.

Франциск

Она утверждает противное.

Августин

Где поставлен неясный вопрос, там ответ свидетеля вряд ли может быть точным.

Франциск

Какое это имеет отношение к делу?

Августин

Поистине, большое; и для того, чтобы ты ясно понял это, слушай внимательно: нет такого безумца – разве это уже совсем сумасшедший, – который бы не сознавал подчас бренности своего существования и который, будучи спрошен, не отвечал бы, что он смертен и обитает брэнное тело, пото-

му что об этом свидетельствуют и телесные боли, и лихорадочные припадки, а прожить совершенно свободным от них дано ли кому-нибудь по милости Господа? К тому же и похороны друзей, беспрестанно проходящие пред вашими глазами, вселяют страх в душу созерцающих, ибо, провожая к могиле кого-нибудь из своих сверстников, человек неизбежно содрогается при мысли о бездне, куда смертью внезапно свергнут другой, и начинает тревожиться за себя самого, подобно тому как, увидав жилища своих соседей в огне, ты не можешь оставаться спокойным за собственное жилище, ибо, как говорит Флакк:

Скоро, гляди, к тебе самому подберется опасность.

Еще сильнее будет взволнован тот, на чьих глазах будет внезапно похищен смертью более молодой, более крепкий и более красивый, нежели он сам; он оглянет себя и скажет: «Казалось, ему была более обеспечена жизнь на земле, и однако он изгнан отсюда; не помогли ему ни молодость, ни красота, ни крепость; кто же дал мне ручательство? Бог или какой-нибудь чародей? Конечно, я смертен». И когда то же самое постигает царей и князей земли, людей могучих и грозных, то очевидцы бывают поражены еще сильнее, ибо на их глазах внезапное или длящееся немногие часы смертное томление ниспровергает тех, кто обычно повергал в прах других. И действительно, откуда, как не из этого источни-

ка, происходят те поступки, какие совершают при смерти великих людей пораженные ужасом народные толпы и каких много, если помнишь (я хочу кстати вернуть тебя к истории), было совершено при погребении Юлия Цезаря? Это именно – то общее зрелище, поражающее взоры и сердца смертных и наводящее их на мысль о собственной судьбе при виде чужой участи. Прибавь сюда еще ярость зверей и людей, прибавь исступление войн и обрушение больших зданий, о которых кто-то метко сказал, что, быв раньше защитой для людей, они стали для людей опасностью; прибавь бури и ветры в ненастье, и чумное дыхание небес, и все эти опасности, которыми вы всюду окружены на суше и на море, так что вы никуда не можете обратить взор, чтобы не увидеть образа смерти.

Франциск

Пощади меня, я больше не в силах ждать, потому что, думаю, нельзя сказать ничего более действенного с целью подтвердить мою мысль, нежели то, что ты так пространно изложил: я сам, слушая, дивился, куда клонится твоя речь и чем она кончится.

Августин

Да она еще и не кончена, – ты ее прервал; мне оставалось сделать следующее заключение: несмотря на то что множество летучих укулов поражает вас со всех сторон, ничто не проникает внутрь достаточно глубоко, ибо сердца несчастных огрубели от долгой привычки и спасительные напоминания отскакивают от затверделой, как мозоль, кожи; а потому ты мало сыщешь людей, достаточно глубоко сознающих, что им неизбежно предстоит умереть.

Франциск

Значит, немногим известно то определение человека, которое, однако, так часто повторяется во всех школах, что оно кажется, давно уже должно было не только утомить уши слушающих, но даже сокрушить колонны зданий?

Августин

Такова болтливость диалектиков, которой никогда не будет конца; она в изобилии плодит подобного рода определения, налагающие оковы на ум и дающие повод к бесконечным спорам. Если ты спросишь у кого-нибудь из их шай-

ки определения человека или даже любой другой вещи, у него всегда есть готовый ответ; если ты захочешь пойти дальше, он будет молчать, или, если он непрерывным разглагольствованием выработал в себе легкость речи и беззастенчивость, по самому характеру его ответа будет видно, что он лишен ясного представления об определяемой вещи. Этому надменно-презрительному, попусту любопытствующему отродью хочется кинуть в лицо: «Несчастные! К чему вы вечно надрываетесь понапрасну и бессмысленными тонкостями изнуряете свой ум? К чему, забывая самые вещи, вы стареете над словами и с седеющими волосами и морщинистым лбом занимаетесь ребяческим вздором? Пусть бы, по крайней мере, ваше безумие вредило только вам самим, а не калечило так часто благородные умы молодежи!

Франциск

Признаюсь, нельзя с достаточной резкостью порицать этот чудовищный род учености. Однако, увлекшись жаром речи, ты забыл кончить, что начал, об определении человека.

Августин

Мне казалось, что я сказал более чем достаточно; но скажу яснее: человек – животное, или, скорее, царь всех живот-

ных. Нет столь грубого пастуха, который не знал бы этого, а с другой стороны, всякий ребенок, если спросить его, признает, что человек – одаренное разумом и смертное животное.

Франциск

Это определение известно всем.

Августин

Напротив, очень немногим.

Франциск

Как так?

Августин

Если ты увидишь кого-нибудь, в ком разумное начало достигло такой силы, что он свою жизнь располагает согласно с разумом, ему одному подчиняет свои вожеления, его узду сдерживает движения своей души и понимает, что только разум отличает его от дикого зверя, что и самое имя человека он заслуживает лишь настолько, насколько руководится разумом; главное же, если он так проникнут сознанием

своей смертности, что помнит о ней непрестанно, мыслью о ней обуздывает себя и, презирая преходящие земные вещи, жаждет той жизни, где, обрев полноту разума, он перестанет быть смертным, – тогда ты можешь сказать, что в лице этого человека ты получил верное и полезное представление об определении человека. Именно об этом шла у нас речь, и я сказал, что лишь немногие основательно знают это или достаточно размышляют об этом.

Франциск

До сих пор я считал себя в числе этих немногих.

Августин

Я и не отрицаю, что, передумывая в течение всей жизни столь многое, что тебе довелось узнать частью в школе опыта, частью из чтения книг, ты неоднократно останавливался мыслью и на смерти; но это размышление не проникало в тебя достаточно глубоко и не внедрялось достаточно прочно.

Франциск

Что ты называешь «глубоко проникать»? Хотя, как мне кажется, я понимаю тебя, но хотел бы, чтобы ты объяснил

мне точнее.

Августин

Вот в чем дело. Общеизвестно и даже славнейшими из сонма философов засвидетельствовано, что среди вещей, наводящих страх, первенство принадлежит смерти до такой степени, что самый звук слова «смерть» искони кажется человеку жестоким и отталкивающим. Однако недостаточно воспринимать этот звук внешним слухом или мимоуслышав вспомянуть о самой вещи: лучше изредка, но дольше помнить о нем и пристальным размышлением представлять себе отдельные члены умирающего – как уже холодеют конечности, а середина тела еще пылает и обливается предсмертным потом, как судорожно поднимается и опускается живот, как жизненная сила слабеет от близости смерти, – и эти глубоко запавшие гаснущие глаза, взор, полный слез, наморщенный свинцово-серый лоб, впалые щеки, почерневшие зубы, твердый, заостренный нос, губы, на которых выступает пена, цепенеющий и покрытый коркой язык, сухое небо, усталую голову, задыхающуюся грудь, хриплое бормотанье и тяжкие вздохи, смрадный запах всего тела и в особенности ужасный вид искаженного лица. Все это будет представляться легче и как бы наглядно во всей совокупности, если человек станет внимательно вдумываться в виденную им картину чьей-нибудь памятной смерти, ибо виденное прочнее запечатле-

вається в пам'яті, ніж слухане. По тому в деяких монашеских орденах, притом найбільш благочестивих, ще і в наше время, ворождебне добрим обычаям, не без глибокої мудрості зберігається правило, щоб послушествовавши цьому строгому уставу созерцали тела усопших в то время, когда их моють и готовят к погребению, дабы воспоминание о горестном и плачевном зрелище, коего они были очевидцами, служило им вечным предостережением и удерживало страхом их души от всех надежд преходящего мира. Вот что я разумел под словами «глубоко проникать», а не так, как вы случайно, по привычке произносите слово «смерть», вроде того как вы изо дня в день повторяете, что ничего нет более достоверного, нежели смерть, и ничего менее достоверного, нежели час смерти, и тому подобное; все это проходит без следа и не укореняется в памяти.

Франциск

Тем легче соглашаюсь с тобою, что узнаю теперь в твоих словах многое такое, что я часто молча говорю сам себе. Однако впечатлений, если возможно, в моей памяти какой-нибудь знак, который бы отныне предостерегал меня, дабы я не лгал самому себе и не обольщался моими заблуждениями, ибо, сколько я вижу, от стези добродетели отклоняет умы именно то, что люди, признав цель достигнутой, не стремятся дальше.

Августин

Мне приятно слышать это от тебя, ибо это речь не праздного и зависящего от случайностей, а многосторонне взвешивающего ума. Итак, даю тебе знак, который никогда тебя не обманет: каждый раз, когда, размышляя о смерти, ты останешься неподвижным, знай, что ты размышлял без пользы, как о любой другой вещи; но если во время самого размышления ты будешь цепенеть, дрожать и бледнеть, если тебе будет казаться, что ты уже терпишь смертные муки; если, сверх того, тебе придет на мысль, что лишь только душа выйдет из этих членов, она должна тотчас предстать на вечный суд и дать точнейший отчет в своих поступках и словах за всю протекшую жизнь, наконец, что более нечего надеяться ни на телесную красоту, ни на мирскую славу, ни на талант, ни на красноречие, ни на богатство или могущество, что судью нельзя ни подкупить, ни обмануть, ни умилоствовать, что сама смерть не конец страданий, а лишь переход к новым; если к тому же ты представишь себе тысячи разнообразных истязаний и пыток, и треск и гул преисподней, и серные реки, и кромешную тьму, и мстительных фурий, наконец, весь ужас темного Орка в целом, и, что превосходит все эти беды, бесконечную непрерывность мучений, и отсутствие всякой надежды на их прекращение, и сознание, что Господь уже более не сжалился и гнев его пребудет вовеки; если все это од-

новременно предстанет твоему взору, не как выдумка, а как действительность, не как возможность, а как необходимость неминуемая и почти уже наступившая, и если ты будешь не мимоходом, а усердно предаваться этим тревогам, и не с отчаянием, а с полной надеждою, что Божья десница властна и готова исторгнуть тебя из всех этих бед, лишь бы ты обнаружил способность к исправлению, и если ты искренне пожелаешь подняться и будешь стоек в своем желании, – тогда будь уверен, что ты размышлял не напрасно.

Франциск

Признаюсь, ты глубоко потряс меня, нагромоздив перед моими глазами все эти ужасы, но так да дарует мне Господь прощение, как верно то, что я изо дня в день предаюсь этим размышлениям, особенно по ночам, когда дух, освободившись от дневных забот, сосредоточивается в самом себе, тогда я простираю свое тело наподобие умирающего и пристально воображаю себе час моей смерти и все страшное, что ум переживает в тот час, до такой степени, что, мнится, – я уже лежу в агонии; иногда я въявь вижу ад и все то страшное, о чем ты рассказываешь, – и это зрелище так сильно потрясает меня, что я встаю, дрожа от страха, и часто, к ужасу стоящих подле, у меня вырываются такие слова: «Горе мне! Что я делаю? Что терплю? Какой исход бедствий готовит мне судьба? Иисус, помоги:

Сильный, исхитить из сих бедствий меня...

Руку злосчастному дай и с собой пронеси через волны,
Чтобы хоть в смерти я мог отдохнуть на бреге покоя».

И многое еще в этом роде я говорю сам себе наподобие умалишенных, что исторгает внезапный порыв из расстроенной, потрясенной страхом души, много говорю и с друзьями и своими рыданиями порой довожу других до слез; а после слез я возвращаюсь к привычному образу жизни. Итак, что же удерживает меня? Какое скрытое препятствие виною, что это размышление донныне не дает мне ничего, кроме терзаний и страха? Я остаюсь тем же, каким был раньше и каковы те, с которыми, может быть, никогда в жизни не случилось ничего подобного, только несчастнее их, потому что они, какой бы ни ждал их конец, по крайней мере, сейчас наслаждаются здешними утехами, мой же и конец не обеспечен, и всякая утеха неизбежно облита этой горечью.

Августин

Не огорчайся, прошу тебя, когда ты должен радоваться, ибо чем большую сладость и удовольствие нечестивый извлекает из своих грехов, тем более несчастным и жалким должно его считать.

Франциск

Вероятно, потому, что тот, кто в самозабвении предается непрерывным наслаждениям, никогда не вступит на путь добродетели, тот же, кого среди плотских утех и щедрот фортуны что-то угнетает, – тот вспоминает о своем положении каждый раз, когда непостоянная и безрассудная веселость его покидает. Если же обоим ждет одинаковый конец, то я не понимаю, почему не должен считаться более счастливым тот, кто ныне радуется, хотя впоследствии будет скорбеть, нежели тот, кто и теперь не ощущает, и в дальнейшем не ждет радости, разве только тебя смущает мысль, что смех под конец обращается в горшую печаль.

Августин

Важнее то, что при падении с равной высоты тяжелее падает тот, кто совсем отбросил узду разума (а в наивысшем наслаждении ее совершенно теряют), нежели тот, кто, хотя бы слабо, еще удерживает ее; главным же образом я имею в виду сказанное тобою раньше: что на обращение одного можно надеяться, на обращение другого – нельзя.

Франциск

Это, на мой взгляд, верно; но не забыл ли ты между тем мой первый вопрос?

Августин

Какой?

Франциск

О том, что меня удерживает? Я спрашивал, почему напряженное размышление о смерти, которое, по твоим словам, оказывает такое чудесное действие, мне одному не принесло пользы?

Августин

Во-первых, потому, что ты рассматриваешь, может быть, как отдаленное то, что частью по причине чрезвычайной краткости жизни, частью ввиду обилия и разнообразия несчастных случайностей не может быть отдаленным; ибо мы почти все, как говорит Цицерон, «делаем ту ошибку, что видим свою смерть вдалеке» (впрочем, некоторые толкова-

тели, или вернее лжетолкователи пытались изменить этот текст, ставя отрицание пред глаголом и утверждая, что надо читать: «не видим свою смерть вдалеке»). Однако нет ни одного здравомыслящего человека, который бы вовсе не имел в виду смерти, а видеть издали – по существу то же, что иметь на виду. Одно это уже многих ввело в заблуждение насчет необходимости размышлять о смерти, так как всякий предполагает дожить до того предела, которого хотя и можно было бы достигнуть, но в силу естественных условий достигают лишь очень немногие. Почти к каждому умирающему применимы слова поэта:

Долгие годы себе он сулил и седин украшенье.

Вот что могло тебе вредить, потому что и твой возраст, и крепкое телосложение, и умеренный образ жизни, быть может, внушали тебе эту надежду.

Франциск

Пожалуйста, не подозревай меня в чем-либо подобном; да сохрани меня Господь от такого безумия.

Чудовищу я ли доверюсь? –

как говорит у Вергилия тот знаменитый мореплаватель. И

я, носимый по обширному, грозному, бурному морю, веду через бушующие волны наперекор ветрам мой утлый челн, весь в щелях и готовый рассесться. Я хорошо знаю, что он недолго останется цел, и вижу – мне не осталось никакой надежды на спасение, разве только всемогущий милосердец соизволит; да, напрягши силы, поверну кормило и причалю к берегу, прежде чем погибнуть, дабы, проведя жизнь в открытом море, я мог умереть в гавани. Этому убеждению я обязан тем, что никогда, насколько помню, не сгорал жаждою богатства и могущества, которая на наших глазах сжигает многих людей не только одних лет со мною, но и преклонного возраста, перешагнувших среднюю меру жизни. В самом деле, что за безумие проводить всю жизнь в трудах и бедности, чтобы тотчас умереть среди стольких забот о накоплении богатства! Итак, я размышляю об этих страшных вещах не как о предстоящих в далеком будущем, а как о предстоящих вскоре, почти уже наступивших. Доселе не изгладился из моей памяти стих, которым я еще в ранней юности, написав другу о многом, заключил письмо:

А пока разглагольствуем так мы, – может быть,
Смерть неприметной тропой уж подкралась к порогу.

Если я мог сказать это тогда, что же я должен сказать теперь, когда я старше и опытом и годами? Все, что я вижу, что слышу, что чувствую, что мыслю, я привожу в связь един-

ственно с этим, и если я не обманываю себя, думая так, то все еще остается в силе мой вопрос: что меня удерживает?

Августин

Смиренно благодари Господа, который снисходит обуздать тебя столь спасительными вожжами и подстрекать столь острыми шпорами, ибо вряд ли возможно, чтобы человек, которого так вплотную изо дня в день преследует мысль о смерти, стал добычей вечной смерти. Но так как ты чувствуешь, и не без основания, что тебе чего-то недостает, то я попытаюсь показать тебе, что это за недостаток, дабы, устранив его, если Бог поможет, ты мог всецело предаться своему благому размышлению и свергнуть старое иго рабства, которое донныне гнетет тебя.

Франциск

Дай Бог, чтобы это удалось тебе и чтобы я был признан достойным такой милости.

Августин

Будешь признан, если пожелаешь, ибо это вполне достижимо. Дело в том, что в человеческих поступках участвуют

два начала, и если одно из них отсутствует, то это неминуемо препятствует успеху. Поэтому желание не только должно быть налицо, но оно должно быть еще столь сильно, чтобы его по праву можно было назвать страстным влечением.

Франциск

Так будет впредь.

Августин

Знаешь ли, что вредит твоему размышлению?

Франциск

Об этом-то я и прошу, это я так давно жажду узнать.

Августин

Итак, слушай. Я не отрицаю, что твоя душа прекрасно устроена свыше, но, будь уверен, что благодаря соприкосновению с телом, в коем она заключена, она утратила значительную часть своего первоначального благородства, и больше того – оцепенела за столь долгий срок и как бы забыла и о своем происхождении, и о своем небесном творце. Мне

кажется, что Вергилий превосходно изобразил как страсти, рождающиеся из общения с телом, так и забвение своей чистейшей природы, когда говорил:

Дышит мощь огневая, небесное теплится семя
В чадах земли; но связало ту мощь греховное тело,
Перстная плоть притупила, ослабила смертные члены.
В душах отсюда желанье, и страх, и довольство, и мука –
Сумрак в темнице слепой, и не брезжит эфир
светоносный.

Узнаешь ли ты в словах поэта то четырехглавое чудовище, которое так враждебно человеческой природе?

Франциск

Узнаю как нельзя яснее четырехчленную страсть души; она состоит из двух частей, сообразно отношению души к настоящему и будущему, и каждая из этих частей, в свою очередь, делится на две новые, сообразно пониманию добра и зла; так, словно в противоборстве четырех ветров гибнет спокойствие человеческого духа.

Августин

Твое наблюдение верно; на нас оправдываются слова апо-

стола: «Тленное тело отягощает душу, и эта земная хранилища подавляет многозаботливый ум». Ибо накапливаются без счета идеи и образы видимых вещей, входят через плотские чувства и, будучи впущены поодиночке, толпами теснятся в недрах: души; они-то отягощают и приводят в замешательство душу, не созданную для этого и неспособную вместить так много уродства. Отсюда эта чумная рать химер, которая раздирает и дробит ваши мысли и своим пагубным разнообразием заграждает путь светоносным размышлениям, ведущим к единой высшей цели.

Франциск

Об этой чуме ты не раз превосходно говорил в различных местах, особенно в сочинении об Истинной вере (которой она, как известно, главная помеха). На эту книгу я недавно попал, отвлекшись от чтения философов и поэтов, и прочитал ее с увлечением, не иначе как если кто, пустившись из любопытства в странствие за пределы своего отечества, вступает в какой-нибудь незнакомый ему знаменитый город и, восхищенный новой для него прелестью места, останавливается всюду и осматривает все, что попадает на пути.

Августин

Между тем ты можешь убедиться, что эта книга, хотя и в других выражениях (как подобало наставнику католической истины), воспроизводит в значительной мере учение философов, преимущественно Платона и Сократа, и, чтобы ничего не скрыть от тебя, признаюсь, что начать эту книгу побудило меня в особенности одно слово твоего Цицерона. Бог поддержал мое начинание, и немногие семена дали богатую жатву. Но вернемся к нашему предмету.

Франциск

Охотно, досточтимый отец. Но раньше прошу об одном: не скрой от меня того слова, которое, как ты говоришь, внушило тебе замысел столь прекрасного произведения.

Августин

Цицерон, уже проникнутый ненавистью к заблуждениям своего времени, говорит где-то: «Они ничего не умели видеть душою и все сводили к чувственному зрению; но задача всякого сильного духа – отвлекать мысль от чувственных впечатлений и мышление – от привычки». Так сказал он;

я же, избрав эти слова как бы фундаментом, построил на нем то произведение, которое, по твоим словам, тебе нравится.

Франциск

Я знаю это место: оно в «Тускуланских беседах». Я заметил, что в своих сочинениях, здесь и в других местах, ты охотно пользовался этим изречением Цицерона, и не без основания, потому что оно принадлежит к числу тех, в которых истина сочетается с изяществом и возвышенностью. Но теперь, если тебе угодно, вернись наконец к нашей теме.

Августин

Именно эта чума вредила тебе, и если ты не остережешься, она очень скоро погубит тебя, ибо загроможденная своими химерами, подавленная многочисленными и разнообразными заботами, которые непримиримо борются друг с другом, слабая душа не в силах взвешивать, которую из них она раньше всего должна удовлетворить, какую удалить, и всей ее силы и всего времени, отмеренного ей скупой рукою, не хватает ей на столько хлопот. Подобно тому как обыкновенно случается с теми, кто много сеет на тесном месте, что ростки давя один на другой, мешают друг другу, так и в твоей слишком занятой душе корни не производят ничего полез-

ного и не прозябает ничего плодоносного, и ты беспомощно мечешься то сюда, то туда в странной нерешительности и ничему не отдаешься вполне, всей душою. Поэтому каждый раз, когда дух, способный при благоприятных условиях восстановить свое благородство, обращается к тем мыслям о смерти и ко всему другому, что ведет к жизни, и по врожденному влечению углубляется в самого себя, – он не в силах удержаться там: толпа разнообразных забот теснит его и отбрасывает назад. Так по причине чрезмерной подвижности гибнет столь благодетельное намерение и возникает тот внутренний раздор, о котором мы уже много говорили, и то беспокойство гневающейся на самое себя души, когда она с отвращением смотрит на свою грязь – и не смывает ее, видит свои кривые пути – и не покидает их, страшится грозящей опасности – и не ищет избежать ее.

Франциск

Горе мне, несчастному! Теперь ты глубоко погрузил руку в мою рану. Там гнездится моя боль, оттуда грозит мне смерть.

Августин

В добрый час! Оцепенение покинуло тебя. Но так как на-

ша нынешняя беседа уже достаточно длилась без перерыва, то отложим остальное, если позволишь, на завтра, а теперь немного отдохнем в молчании.

Франциск

Покой и молчание будут очень кстати при моей усталости.

Кончается Беседа первая

Начинается беседа вторая

Августин

Достаточно ли мы отдохнули?

Франциск

Как будто бы, да.

Августин

Каково теперь твое настроение? И велика ли твоя доверенность? Ибо упование больного – важный залог выздоровления.

Франциск

На себя мне нечего надеяться; вся моя надежда – на Бога.

Августин

Это разумно. Но теперь возвращаюсь к делу. Многое тебе досаждают, многое оглушает тебя, и ты сам до сих пор не знаешь, сколь многочисленны и сколь сильны окружающие тебя враги. Как человек, видящий густую рать вдали, обыкновенно по ошибке презирает малочисленность врагов, но, по мере того как войско подходит ближе и наступающие когорты все раздельнее предстают пред его глазами, ослепляя его блеском своего оружия, его страх растет и он раскаивается в том, что боялся меньше, чем должно было, — так, думаю, случится и с тобою, когда я соберу пред твоими глазами беды, осаждающие и теснящие тебя со всех сторон; тебе будет стыдно, что ты меньше огорчился и боялся, чем следовало, и уж не будет тебе казаться странным, что твоя душа, так тесно обложенная, не могла прорваться через неприятельские ряды. Ты, несомненно, увидишь, сколь многими противоположными помыслами была подавлена та благотворная мысль, до которой я стараюсь поднять тебя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.